

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние годы развитие психиатрии — не говоря о других ее завоеваниях — идет по пути выделения и разработки ряда крупных областей, по существу самым тесным образом связанных с психиатрической клиникой и выделяемых из общей психиатрии, я бы сказал, лишь по практическому, а не по принципиальному признаку. Таким путем выделяются и разрабатываются психиатрия детская, психиатрия пограничная („малая“), психиатрия судебная. Здесь, в предисловии к книге Н. П. Бруханского, мы прежде всего хотели бы подчеркнуть, что все эти, если можно так выразиться, дочерние дисциплины не должны порывать самой интимной и близкой связи с общей психиатрией, которой они исключительно и обязаны своим появлением в свет. Большая беда заключается в том, что детской, пограничной, судебной психиатрией сплошь и рядом занимаются врачи, не имеющие предварительной основательной подготовки по общей психиатрии, и напротив: предварительное серьезное знакомство с обычной клинической психиатрией при дальнейшей разработке детской, пограничной, судебной психиатрии обеспечивает подлинный прогресс, мы бы сказали, обеих дисциплин: и психиатрии общей, и специальной; в этом случае между той и другой устанавливается взаимоотношение, гарантирующее обеим отраслям знания совместное дальнейшее развитие.

Вот это обстоятельство и затрудняет крайне составление руководств по специальным отраслям психиатрии; в них должна быть проведена, так сказать, двойная линия: с одной стороны, они должны быть самым определенным образом связаны с общей психиатрической клиникой, с другой — они не могут забывать и игнорировать своего специального назначения. Нам кажется, что этому выставляемому нами основному требованию книга Н. П. Бру-

ханского по судебной психопатологии удовлетворяет полностью. Это — книга, написанная прежде всего клиницистом-психиатром, а уже потом — психиатром, которому приходится решать специальные вопросы и специальные задания. В этом мы усматриваем одно из достоинств книги, но должны к этому прибавить, что и специальные требования, которые должны быть предъявлены к книге по судебной психиатрии, автором нисколько не забыты: узко-судебное или общее криминологическое значение различного рода теорий, положений, фактов, в частности казуистика, занимает вполне надлежащее место; ценно и то, что она касается преимущественно преступлений, связанных с расстройством аффективной жизни обвиняемых; чувствуется самая близкая, самая живая связь автора — и теоретическая и практическая — с Судом, с учреждениями, изучающими душевно-больного преступника, и преступника вообще; автор выявляет себя не только клиницистом-психиатром, но и активным работником в области судебной психиатрии.

Вторым подводным камнем при написании книги по судебной психиатрии является то обстоятельство, что психиатрия за последние два десятилетия чрезвычайно быстро движется вперед, — настолько быстро, что в психиатрической клинике устанавливается даже совершенно новая терминология, совершенно отсутствующая в старых книжках; это обстоятельство усугубляется тем фактом, что русских учебников по судебной психиатрии сейчас уже нет, а последний В. П. Сербского — вышел более двадцати пяти лет тому назад. Это должно заставлять автора быть особенно осторожным, но в то же время он должен быть, конечно, вполне на высоте современного уровня знаний. И этому второму требованию книга Н. П. Бруханского удовлетворяет вполне: историческая перспектива развития психиатрии нисколько не нарушена, и в то же время книга вполне и целиком современна. Все острые вопросы, вопросы текущего дня не затушеваны, а поставлены и усиленно решены.

Отдельно должно быть отмечено то обстоятельство, что очень большое место отведено той части психиатрии, которой прежде уделялось сравнительно мало внимания и которая разрабатывается особенно усиленно в настоящее время, это — главы о психопатических личностях, состояниях и реакциях. Непорядки в психической сфере в связи с инфекциями, в связи с возрастными фазами — тоже занимают в книге Н. П. Бруханского соответ-

ствующее место, и на это мы указываем, как на достоинство работы, так как эти вопросы до сих пор — особенно с точки зрения судебно-психиатрической — тоже недостаточно расценивались.

Здесь же в предисловии мы бы хотели остановиться на двух вопросах, имеющих большое практическое значение в судебно-психиатрической практике: вопрос о вменяемости и невменяемости „психопатов“ и вопрос о „реактивных“ психозах. С удовлетворением отмечаем точку зрения автора по отношению к „психопатам“; он считает, что в некоторых случаях психопатия, постоянные изъяны личности настолько могут быть велики, что их носители должны признаваться невменяемыми. По отношению к „реактивным“ психозам автор считает — и мы это также охотно подчеркиваем — что в известных случаях приходится настаивать перед Судом на прекращении дела и признавать [заболевших] неответственными.

Книга носит печать свежести и оригинальности. Изложение оживляется большой казуистикой (80 наблюдений, из которых большая часть принадлежит самому автору).

Мы желаем книге успеха. Книга посвящается Петру Андреевичу Минакову, которому мы вместе с ее автором выражаем этим чувство глубокого уважения.

П. Г а н н у ш к и н.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Судебная психиатрия занимается изучением взаимоотношения между болезненными нервно-психическими проявлениями и преступностью. Изучение болезненных отклонений в нервно-психической сфере, которые приводят к правонарушению, и больных личностей, которые являются носителями преступных тенденций, с одной стороны, и исследование самого правонарушения, как психопатологического следствия, с другой — таковы основные задачи криминальной психиатрии. В непосредственной связи с ними стоят вопросы законодательства и профилактики. Таким образом, область, занимаемая судебной психиатрией, необычайно широка. Здесь, как ни в одной другой дисциплине, общие, социально-экономические, биологические и патологические моменты должны быть строго учтены.

Границы между здоровьем и болезнью совершенно стерты. Понятие о патопсихологическом, как естественно-научное, должно быть отграничено от недостаточности в социальном смысле слова. По общепринятому мнению, отклонения от среднего являются лишь вариантами, лежащими в границах здорового до тех пор, пока изменение биологических процессов не мешает самому их носителю и не является явно вредным для общества, т.-е., пока не нарушается регулирование „я“ в его взаимоотношении к внешнему миру. Такое определение общё, но практически оно неизбежно. Та же расплывчатость и в определении понятия о „преступлении“. Оно тоже по существу есть отклонение от какой-то средней нормы, определяемой социально-экономическими отношениями в данное время и в данном месте. „Каждая форма производства порождает свойственные ей правовые отношения“... (М а р к с). Общество устанавливает, что именно является преступлением. Поэтому оно условно, непостоянно.

Объектом изучения судебной психиатрии служит личность преступника, которая является продуктом и в которой преломляются сложнейшие социально-экономические и патобиологические моменты. Чтобы подойти к решению тех задач, которые выдвигает

судебная психиатрия, надо прежде всего установить какой-то критерий. Нельзя не приветствовать выдвинутое Tendamoo учение о констелляциях. По законам констелляционной патологии не существует одного патогномичного симптома или одного симптомо-комплекса, а также специфической реакции. Реакции имеют только относительное значение, потому что они под влиянием различных констелляций могут выступать или отсутствовать, несмотря на наличие специфического фактора, если констелляция не благоприятствует их выступлению. Изучение какого-бы то ни было явления, изучение личности возможно только при учете совокупности всех условий. Нельзя изучать данное болезненное явление вне окружающих условий, но и нельзя считать, что только внешние моменты могут играть исключительную роль в болезненном состоянии у определенного лица. Нельзя без оговорок сравнивать двух людей одного возраста, одинаковой профессии и принадлежащих к одному классу, к одной и той же антропологической группе. Не сложное построение психики в ее целом подлежит сравнению, а лишь ее отдельные элементы. Преступление, взятое отдельно, представляется выражением индивидуальной деятельности, но вместе с тем оно неразрывно связано с обществом. Оно представляет собою явление, которое, исходя из общества, влияет на личность. В судебной психиатрии обе точки зрения — и индивидуальная и социальная — находятся в полном равновесии.

С точки зрения сегодняшних знаний, нет врожденного преступника. Неясный термин „дегенерация“ должен быть оставлен; все отклонения, как предлагает Вауег, надо рассматривать, как конституциональные аномалии, не входя в суждение о их ценности — плохие или хорошие, нормальные или ненормальные. Несмотря на кажущуюся противоположность между психопатологическими и преступными явлениями, внутренняя связь между ними несомненна. Ведь вследствие исторического развития социально-экономических условий в человеческой психике заложены и социальное и асоциальное начало, и нормальные и патологические тенденции. Каковы же методы исследования, которыми пользуется судебная психопатология? Конечно те же, которыми пользуется клиническая психиатрия. Психиатрическое мышление является наиболее углубленным, наиболее широким, ибо оно покоится на широком материалистическом основании, ибо оно охватывает явления в их взаимодействии и динамическом развитии.

ПРЕДРАСПОЛАГАЮЩИЕ МОМЕНТЫ В РАЗВИТИИ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИХ ОТКЛОНЕНИЙ В СВЯЗИ С ИХ КРИМИНОГЕННЫМ ВЛИЯНИЕМ.

Переходя к рассмотрению отдельных моментов, способствующих развитию болезненных нервно-психических отклонений и преступных тенденций, надо помнить, что в оценке личности и поступков всегда следует учитывать всю совокупность условий в их взаимодействии. Обособленное значение каждого из них ничтожно. Есть много лиц, которые, несмотря на очень неблагоприятные влияния (тяжелая наследственность, тяжелые социально-бытовые условия, тяжелые переживания), не теряют своего нервно-психического равновесия и не обнаруживают антисоциальных наклонностей. С другой стороны, известны случаи, когда при общих формально благоприятных условиях достаточно было незначительного толчка для сдвига в нервно-психическом состоянии или выявления преступных тенденций. Вот почему индивидуальный анализ каждого случая совместно с оценкой социально-экономических условий совершенно необходим.

Социально-экономические условия. Человеческие действия (труд, быт, политика, нравственность и т. д.) определяются экономической организацией общества. „В общественном производстве своей жизни, — говорит Маркс, — люди входят в определенные, необходимые, от их воли независящие, отношения производства, которые соответствуют их материальным производственным силам. Совокупность этих отношений производства образует экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные общественные формы сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процесс жизни. Не сознание людей определяет их бытие, но, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание... С изме-

нением экономической основы видоизменяется более или менее медленно или быстро вся огромная надстройка.“

В генезисе нервно-психических расстройств и преступности прежде всего приходится принимать в расчет общие условия жизни, вытекающие из современного состояния общества, его культуры, социально-экономических взаимоотношений, классовых противоречий, которые нарушают правильное течение высшей нервной деятельности у одного или нескольких поколений. „Общество заключает в себе зародыши всех имеющих совершиться преступлений, потому что в нем заключаются условия, способствующие их развитию; оно, так сказать, подготавливает преступление, а преступник есть только орудие. Всякое социальное состояние предполагает, следовательно, известное число и известный порядок преступников, которые являются как необходимое следствие его организации“ (Quetelet). „Историческая жизнь человечества, в самом широком смысле этого слова, проявляется ли она в королевских замках, в парламентах, на полях сражений или в мрачных закоулках низших слоев общества, всюду она определяется не царящим, якобы, нравственным порядком, а существующими соотношениями сил“ (Менгер).

Последнее полувековье характеризуется чрезвычайным ростом кривой преступности и в частности рецидива. Наряду с увеличением абсолютного числа дел о преступлениях растет и относительное число обвиняемых. Так, по статистике Finkelnburg'a в Германии к декабрю 1910 г. из каждых 12 чел. в возрасте старше 12 лет один был осужден; на каждые 213 девушек в возрасте 12—18 лет одна понесла наказание, а из мальчиков—каждый 43-й, а из женщин от 18 лет—каждая 25-я, а из мужчин—каждый 6-й. Эти данные с полной очевидностью убеждают нас в том, что преступление как таковое, не есть явление исключительное, а самое обычное.

Что касается распространения душевных заболеваний, то бросается в глаза различие в зависимости от степени культурности страны. Так, к концу прошлого столетия в Индии душевных заболеваний было 1 на 70.000 жителей; на острове Ява—1 на 50.000, тогда как в Пруссии 2,6‰, в Швеции 5,6‰, в Англии 3,4‰, в Финляндии 4,1‰. По последним данным, в Соединенных Штатах количество коек психиатрической организации достигает 341.000. В России никогда не было всеобщей переписи душевно-больных, а потому и нет более или менее точных статистических данных о количестве душевно-больных в населении. Судя же по переписям